

УДК 821.512.141.09

ОСНОВНЫЕ ЖАНРЫ ИЗУСТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Идельбаев М.Х.

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия (450076, Уфа ул. З. Валиди, 32), e-mail: mirasidel@mail.ru

Система жанров в авторской изустной поэзии формировалась в течение столетий и совершенствовалась в зависимости от социально-исторических условий, процесса изменения вкусов и духовных потребностей аудитории. В изустной литературе тюркских народов жанровые формы исчисляются десятками, каждая из которых имеет свое предназначение: воззвание, воспевание, посвящение, завещание, заклинание, высмеивание. Среди башкирских сээнов наиболее распространенными жанрами являются эпос, кубаир, айтыш, песня и баит. В поздних эпосах вырисовывается образ автора в лице конкретного йырау или сээна, его монолог становится как бы лирическим отступлением, авторским словом, где дается строгая оценка происходящим событиям и действиям главных героев. Айтыш – это поэтическое состязание двух авторов, вершина импровизаторского искусства. Кубаир – лирическая поэтическая импровизация философского и дидактического содержания; создавался, как и айтыш, профессиональными сээнами перед большой аудиторией во время массовых праздников или собраний. Песня и баит в репертуаре авторов изустной поэзии появились лишь во второй половине XVIII столетия и как жанры были заимствованы из фольклора. Смена основных жанров изустной поэзии песней и баитом была обусловлена резкими изменениями социально-исторических условий, связанных с запретом на территории Башкортостана массовых мероприятий. Потеряв большую аудиторию своих слушателей, сээны прибегли к песне и баиту как к менее оперативному, зато подходящему для распространения из уст в уста жанру. Жанры авторской изустной поэзии отличаются от одноименных фольклорных жанров осознанной творческой индивидуальностью, близостью объектов изображения к реальной действительности, оперативностью, преобладанием в них философии и дидактики.

Ключевые слова: импровизация, йырау, сээн, айтыш, кубаир, фольклор.

THE MAIN GENRES OF ORAL LITERATURE

Idelbayev M.K.

Federal State institution of higher professional education Bashkir State University, Ufa, Russia, (450076, Ufa city, 32 Zaki Validi Street), e-mail: mirasidel@mail.ru

System of genres in author's oral poetry have been formed in the course of several centuries and improved depending on social and historical conditions, changes of taste and spiritual needs of the audience. Turkic oral literature contains dozens of genre forms, each with its own purpose: proclamation, glorifying, dedication, testament, invocation, satire, and others. The most widespread genres in the works of Bashkir poets (sesens) are *epos*, *kubair* (intonated poetic narration), *aytish* (song poetry performed at the contest of improvising poets), *song*, and *bait* (epic and lyrical genre of Bashkir folklore). In the later epics image of the author appeared in the face of concrete yirau or sesen, his monologue became a digression and author's word, which provides a rigorous evaluation of current events and actions of the protagonists. Aytish is a counterpoint of the two authors, it is the top of improvisatory art. Kubair is lyrical poetic improvisation and philosophical didactic content; it was created also by professional sesens in front of a large audience at public holidays and events. Song and bait have appeared in oral poetry only in the second half of the eighteenth century and as a genre have been borrowed from folklore. Changing the major genres of Oral poetry was caused drastic changes in the socio-historical conditions, authorities banned organize mass meetings in Bashkortostan. Losing most of their audience of listeners sesens resorted to the song and bait, because they were less rapid, but suitable for the dissemination of mouth genre. Genres of author's oral poetry differ from the similar folk genres by their conscious creative identity, closeness of the depicted objects to the reality, efficiency, and prevalence of philosophy and didactics in them.

Keywords: improvising, jyrau, sesen, aytish, kubair, folklore.

Введение

Авторская изустная литература, уникальное явление в словесности народов мира, в настоящее время находится на стадии начала исследования. Жанры и жанровые формы сочинений импровизаторов также относятся к малоизученной области литературоведения.

Цель исследования. Выявить и обосновать обращение импровизаторов именно к данным жанрам и жанровым формам словесности.

Материал и методы исследования. Материал исследования – сочинения йырау и сэсэнов XIV – начала XX в. Дано предпочтение историко-сравнительному и системному анализу.

Содержание исследования. В различных историко-географических регионах мира бытовало три вида художественной словесности: фольклор, авторская изустная литература и письменная литература. Рукописным литературным языком башкир донациональной эпохи был «письменный язык тюрки Урало-Поволжья» [2, 465], а йырау и сэсэны создавали свои сочинения на живом разговорном языке, понятном для широкого круга народных масс. Авторская изустная литература сочинялась и распространялась изустным путем и выражала личное мировоззрение конкретного сочинителя, его этическую оценку действительности.

Процесс расчленения изустной поэзии на жанры в словесности тюркских народов начался на самом раннем этапе ее бытования. В обрядовой поэзии каждое поэтическое слово (или пение) имело свое предназначение: колдовало, лечило, бодрило, позорило (врага) и т. д. В дальнейшем приверженность изустных авторов к каким-либо жанрам определяла их роль в обществе. Например, деятельность друидов, аэдов, йырау и сэсэнов резко отличалась от образа жизни и природы творчества жонглеров и скоморохов. Изустная литература тюркских народов имела сильно развитую систему жанров и жанровых форм: эпос, кубаир, толгау, ундеу (воззвание), мактау (мактоо – восхваление), арнау – (арноо – посвящение), айтыш, улен, йыр (жыр – песня), терме, айтыш (айтыс – поэтический спор), каим, шешендик сюз, каргау (кордоо – заклинание), васыят (насихат – завещание), гошма, баяти, сынсу, кара сулен, баит и др.

Башкирскую изустную литературу представляют сохранившиеся в народной памяти и находившиеся в архивных хранилищах рукописные или опубликованные импровизации йырау Хабрау, Асана Кайгы, Казтугана, Шалгииза, сэсэнов Еренсе, Кубагуша, Акмурзы, Караса, Баика, Махмута, Салавата Юлаева, Буранбая Котдосова, Ишмухамета Мурзакаева, Габита Аргынбаева, Фарраха Давлетшина, Сайта Исмагилова, Мухаметши Бурангулова. Но относительно их творчества можно вести речь лишь о некоторых из названных жанров и жанровых форм – об эпосе, айтыше, кубаире, песне и баите. Жанры с теми же названиями имеются и в поэтическом репертуаре фольклора. Однако между одноименными жанрами фольклора и изустной литературы невозможно ставить знак равенства.

Некоторые более поздние из башкирских *эпосов*, появившиеся в эпоху йырау и сэсэнов, сохранили заметные следы индивидуальности. В них, наряду с другими героями первого плана, действует образ изустного творца. Как известно, в мировом фольклорном репертуаре таких эпических повествований довольно много. «Герои позднего эпоса в большинстве своем идентифицируются как персонажи, имеющие реальных прототипов, реально соотносимые с конкретным временем и реальными местами, – пишет Б.К.Путилов. – ...Выдвигаются на первый план моменты поэтизации социальных, психологических, личностных признаков, значительное место занимают лирические характеристики – все это вдвигается в рамки относительной хроникальности» [7, 209–210]. Но в башкирских текстах этот образ непременно выступает свидетелем и активным участником повествуемых событий; а главное, он же – конкретное историческое лицо, один из самых знаменитых йырау или сэсэнов эпохи. В данных эпосах, как правило, речам героев отводится основная часть объема текста, а их действия и события описываются весьма кратко. Здесь монолог или обращение сэсэна, йырау к другим персонажам становится как бы «лирическим отступлением», «авторским словом», где дается строгая оценка происходящим событиям и действиям главных героев, выражается личное отношение к явлениям эпохи, которые им же описываются в эпосе. Наделенное образом лирического героя повествование приобретает дополнительные черты индивидуальности, каких нет в фольклорных эпосах: избавляется от мифических элементов, фантастических эпизодов, вместо них усиливаются историческая конкретность, дух времени, дидактические и философские мотивы, главными героями выступают конкретные исторические лица – современники автора. Таковыми являются «Юлай и Салават», «Батырша», «"Отечественная война" и башкирская версия общетюркского эпоса "Идукай и Мурадым"».

Вершиной искусства импровизации называют ученые *айтыш*, один из основных жанров авторской изустной поэзии [4, 113]. В процессе поэтического спора стороны интенсивно мыслят, полностью раскрывают свои творческие возможности, мировоззрение. Корни поэтического спора уходят в древность. В шумерской литературе стремление мастеров слова выявить большое значение или полезность одного из двух «антагонистических» явлений и вещей («зима и лето, скот и зерно, птица и рыба, дерево и тростник, серебро и бронза, мотыга и плуг, скотовод и земледелец») влекло их «к жанру литературного спора, или диспута, созданного наиболее одаренными из них специально для этой цели. Основную роль в таких диспутах играют доводы противников, каждый из которых «возвышает» себя и «принижает» своего противника. Все это излагается в форме поэтического произведения, ибо шумерские авторы являлись прямыми наследниками еще не знавших грамоты певцов более ранних эпох» [10, 114]. А.Н.Веселовский появление жанра

агон (поэтический спор), возникшего в результате состязания поэтов, возводит к XIII – V векам до новой эры, общеиндоевропейскому этапу словесности [1, 363]. В учении великого восточного пророка Заратустры (конец VII – первая половина VI вв. до н.э.) Авесте отражен диалог его самого и «бога добра и света Ахуры Мазды; Заратустрой проповедуется идея борьбы двух начал – добра и зла. В основе жанра танка японской поэзии раннего средневековья элементы спора, ее функционирование «мыслилось прежде всего как диалог (обмен стихотворными посланиями) или песенная перекличка с большим числом участников» [3, 65]. Разновидностью поэтического турнира двух участников в западной провансальской лирике XII в. была тенциона. Первые образцы тюркского айтыша зафиксированы в письменном памятнике «Диван лугат ит-тюрк» М.Кашгари [9, 170]. Арабский путешественник Аль-Гарнати, посетивший в первой половине XII в. Восточную Европу, пишет об устройении в Сарае айтышов тюркских изустных поэтов [6, 49]. Его расцвет в башкирской изустной литературе приходится на XIV–XVIII вв. Лучшими образцами данного жанра являются поэтические споры Хабрау йырау с батыром Идукай, Кубагуша-сэсэна с сэсэном Акмурзай, Караса-сэсэна с казахским батыром Акса, Байыка-сэсэна с казахским акыном Бухаром, Салавата со своей любимой девушкой Зюлейхой. В зависимости от места рождения и личностных качеств спорящих, айтышы йырау и сэсэнов преследовали следующие конкретные цели: 1) решение важных общественно-политических, социальных проблем; 2) урегулирование междоусобиц мирным путем; 3) определение степени мудрости, остроты ума, уровня импровизаторского мастерства напарника; 4) моральное уничтожение противника перед решающими сражением; 5) выявление отношений между влюбленными парами. Во всех случаях стороны «заботились» об объекте спора – давали оценку, бросали вызов, осуждали, советовали, учили. А дидактика и нравоучение в словесном искусстве всегда связаны с авторской индивидуальностью.

Слово «кубаир» в башкирской филологической науке известно в двух значениях – эпоса и изустного лирического поэтического произведения философского или дидактического содержания. В последнем значении он бытует и в фольклоре, и в изустной литературе, но создается преимущественно профессионалами. Значит, фольклорные кубаиры стали таковыми лишь из-за забывости имен авторов. Их тексты сохранили черты индивидуальности и, по сути, являются анонимными произведениями изустной литературы. Кубаир, как и айтыш, рождается перед публикой, собравшейся, как правило, по поводу важных событий. Не каждый мастер изустного слова осмеливается обратиться к данному жанру, даже если обладает способностью сочинить во всех его канонах, а лишь тот, кто имеет моральное право говорить от имени народа, давать оценку самым сложным явлениям времени, деятельности правителей. Тематический диапазон кубаиров несколько отличается

от других жанров, он охватывает весьма широкий круг проблем человеческой жизни – от бессрочно вечных до безотлагательно повседневных. Но и вечное в кубаире преподносится как настоящее, выражающееся в призыве к верности обычаям, традициям, морально-этическим нормам предков. Кубаир – любимый жанр народных масс, кодекс философского познания жизни.

Песня, древнейший популярный фольклорный жанр, в репертуаре башкирской изустной авторской поэзии появилась лишь во второй половине XVIII в. Башкирская народная песня всегда функционировала в единстве трех ее компонентов: слов, мелодии и истории создания (легенды). Они сохранились и в авторских песнях. Это означало, что сэтэн нового поколения стал выступать и в роли композитора, так как песенный жанр требовал соотношения содержания текста с мелодической формой и отличался от речетативного исполнения кубаира или айтыша разнообразием музыкальных мотивов. А легендарный компонент способствовал закреплению в памяти имени ее автора при распространении в массах: каждый новый исполнитель заранее непременно рассказывал, кем, когда и по какому поводу была сложена та или иная песня. Смена основных жанров изустной поэзии эпоса, айтыша и кубаира песней была обусловлена упомянутыми выше социально-историческими условиями. Потеряв массовую аудиторию, сэтэны прибегли к ней как к менее оперативному, зато подходящему для распространения из уст в уста жанру. В песне затрагивались в основном те же проблемы изустной литературы, но до основной массы слушателей доходили гораздо медленнее. Через авторскую изустность она проникла также и в письменную поэзию: «именно в изустной литературе, в творчестве йырау и сэтэнов сложились субъективные факторы формирования литературной песенной лирики и ее жанров» [Кунафин 1999:15]. В изустной среде этот жанр, несмотря на тенденцию к лиризации, из-за особой популярности в массах легко подвергался изменению. Песни сэтэнов второй половины XVIII–XIX вв. Байыка, Махмута, Салавата, Буранбая, Ишмухамета давно уже бытуют в фольклорном репертуаре. Вынужденный переход к песенному жанру приблизил постепенный конец профессиональной изустной литературы в башкирском словесном искусстве.

Баит преимущественно сочиняется письменным путем, а распространяется, как правило, изустно и, по дружному определению башкирских и татарских ученых, «рождается на точке пересечения фольклора и письменной литературы» [8, 9], вбирает в себя многие их черты и поэтические традиции. В таком случае, казалось бы, его законное место должно быть в изустной литературе. Однако в творчестве йырау и сэтэнов XIV – XVIII вв. этот жанр вовсе отсутствует. Дело в том, что, во-первых, в его содержании преобладают вопросы частного характера; во-вторых, сочиняются они не профессионалами; в-третьих, сфера

распространения байта ограничена, не достигает массового масштаба. К жанрам изустной литературы он имеет определенное касание лишь потому, что во второй половине XIX–XX вв. некоторые (и не именитые) сээны часть своих произведений стали называть байтами.

Заключение. Естественное расчленение изустной словесности на жанры началось еще в древности. Формирование системы жанров и жанровых форм протекало в зависимости от социально-исторических условий, процесса изменения вкусов, духовных потребностей аудитории. Башкирские йырау и сээны чаще всего обращались к айтышу, кубаиру, эпосу, песне, отчасти – байту. При одноименности названий, жанры изустной литературы тюркских народов отличались от фольклорных осознанным авторством, творческой индивидуальностью, близостью объектов изображения к реальной действительности, устойчивостью текстов, преобладанием в них философии и дидактики.

Список литературы

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
2. Галяутдинов И.Г. Восприятие урало-поволжскими тюрками элементов османско-турецкого языка // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1 (1). – С.465 – 466 с.
3. Ермакова Л. М. Ритуальные и космогонические значения в японской поэзии // Архаический ритуал в фольклорных и ритуальных памятниках. – М.: Наука, 1988. – 346 с.
4. Исмаилов Е. Айтыс // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. Т.1. – М.: Сов. энциклопедия, 1962. – С.113.
5. Кунафин Г. С. И песней, и сатирой. – Уфа: Китап, 1999. – 256 с.
6. Путешествие Абу Хамида-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153) / Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. – М.: Наука, 1971. – 136 с.
7. Путилов Б. К. Исторический эпос и действительность. – М.: Наука, 1989. – 226 с.
8. Урманчеев Ф. Голос народа: Очерки из истории татарских народных байтов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. – 128 с.
9. Divanu Lugat it turk: 3 baski – Cilt 1. – Ankara: Turk takin kurumu basimevi, 1992. – 530 a.
10. Крамер Самюэл Н. История начинается в Шумере. – М.: Наука, 1991. – 146 с.

Рецензенты:

Кунафин Г.С., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой факультета башкирской литературы, фольклора и культуры Башкирского государственного университета, г. Уфа.

Ахмадеев Р.Б., д.фил.н., профессор, декан факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г. Уфа.